

63^{DR}

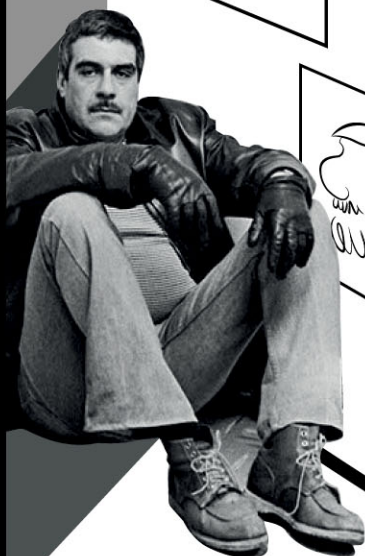
ei Dovlatov
Way

Г. А. Доброзракова

SEŠES MAJAS ELAS
VENE KIRJANIK
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ
1972 - 1975

В ЭТОМ
ДОМЕ
с 1944 по 1975 г.
жил
писатель
СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Поэтика Довлатова

УДК 821.161.1 Довлатов.06

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Д 561

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Н. Б. Алдошина* (СГСПУ)

доктор филологических наук, профессор *С. А. Голубков*

(Самарский университет им. акад. С. П. Королева)

Доброзракова Г. А.

Д 561 Поэтика Довлатова / Г. А. Доброзракова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 406 с.

ISBN 978-5-907115-87-3

Книга состоит из семи разделов, посвященных проблемам поэтики С. Д. Довлатова. Первый раздел касается раннего этапа творчества писателя – периода формирования таких принципов и приемов довлатовской поэтики, как комическая заостренность, пуантированность, диалогичность, использование в прозаических текстах стихотворной речи, интертекстуальность и автоинтертекстуальность, «полифонизм» оценок, языковая игра, повторяемость элементов на разных уровнях организации текста (деталь, персонаж, мотив, сюжет). Второй и третий разделы посвящены изучению влияния русских и зарубежных авторов на творчество Довлатова. Прослеживаются интертекстуальные связи довлатовской прозы с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, представителей Серебряного века, Ш. Андерсона и Э. Хемингуэя. В четвертом разделе анализируется перекличка Довлатова с писателями-современниками: И. Бродским, В. Поповым, В. Аксеновым, А. Гладилиным. Пятый раздел затрагивает особенности зрелой прозы Довлатова: поэтику комического, приемы художественной мифологизации, соотношение факта и вымысла. Шестой раздел связан с поэтикой неомифологизма. В седьмом разделе рассматривается, в какой степени ориентируются на поэтику Довлатова авторы, интерпретирующие прозу писателя на сцене и на экране.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, широкого круга читателей.

В оформлении обложки использованы фотографии Нины Аловерт (на лицевой стороне) и Алексея Васильева (на оборотной стороне)

ISBN 978-5-907115-87-3

9

7 8 5 9 0 7 1 1 5 8 7 3

УДК 821.161.1 Довлатов.06

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Г. А. Доброзракова, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

За последние двенадцать лет доктор филологических наук, профессор Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара) Г.А. Доброзракова опубликовала около семидесяти статей, посвященных творчеству писателя Сергея Довлатова. В этом сборнике собрана лишь их половина. Между тем, написанные в разное время, представленные на различных литературных конференциях в виде докладов, в совокупности эти статьи создают целостную картину. По сути, книга, предлагаемая читателю, представляет собой монографию, научное исследование, посвященное одной теме, — поэтике Довлатова.

В книге дается подробный анализ основных вопросов, которые продолжают вызывать споры исследователей творчества Довлатова. Первый из них касается литературной преемственности. Это вопрос о том, какая литература: русская или американская — оказала наиболее значительное влияние на формирование художественного стиля писателя.

Принадлежа к числу тех исследователей, для которых несомненно органическая связь творчества Довлатова с традициями отечественной классики, Г.А. Доброзракова приводит многочисленные отсылки его прозы к произведениям русской классической литературы XIX — начала XX веков. В анализе реминисценций автор не ограничивается обсуждением внешних параллелей, общих мотивов и художественных приемов, а обосновывает глубинные типологические сходства. Г.А. Доброзракова подбирает «мифопоэтические ключи» к довлатовской повести «Заповедник», выявляет «лермонтовский код» в автопсихологических произведениях Довлатова, анализирует «логику парадокса» Н.В. Гоголя в творчестве писателя, обнаруживает

приемы тургеневского «тайного» психологизма в повести «Филиал», исследует художественные приемы Ф.М. Достоевского и принципы объективного повествования А.П. Чехова в прозе Довлатова, а также определяет близость эстетических позиций писателя и поэтов Серебряного века. Рассматривая интертекстуальность и аллюзивность в качестве ведущих черт поэтики Довлатова, автор доказывает, что использование интертекста в довлатовских произведениях предполагает безусловную авторитетность слова писателей-классиков. В силу этого интертекст в произведениях Довлатова способствует приращению смысла, служит средством выражения авторской позиции, создает «полифонизм» оценок.

Влияние американских писателей двадцатого века Ш. Андерсона и Э. Хемингуэя на стиль прозы Довлатова, по мнению автора, вторично. Приемы изображения внутреннего мира героя в прозе Андерсона нередко ориентированы на поэтику русских прозаиков Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, а отголоски стиля Хемингуэя в прозе Довлатова — скорее, дань общему духу шестидесятых.

Второй вопрос, объединяющий ряд статей этого сборника, касается природы смеха в творчестве Довлатова. Приводя обзор различных идей и формулировок, предложенных другими исследователями, автор создает собственную классификацию функций анекдотических довлатовских микросюжетов. Г.А. Доброзракова приходит к выводу о том, что в разных произведениях Довлатова доминируют разные стихии комического: философский юмор плюс ирония — в «Заповеднике» и в «Филиале», сатирические приемы (гротеск, пародирование, сведение к абсурду) — в «Компромиссе». Сатирическая направленность, как показано в первых главах сборника, ощутима и в ранних опытах писателя.

Наконец, третий вопрос, выделенный в отдельный аспект поэтики Довлатова, касается соотношения факта и вымысла как в художественных произведениях писателя, так и в ранних публицистических. На основе существующих исследований, а также собственных наблюдений автор предлагает систему приемов корреляции факта и вымысла, характерных для прозы Довлатова. К этой же теме примыкают статьи, посвященные проблеме художественной мифологизации.

Г.А. Доброзракова показывает, что довлатовские тексты благодаря их диалогичности, перекличке с произведениями современных писателей: В. Шаламова, В. Аксенова, Ю. Бондарева, В. Войновича, А. Гладилина, В. Попова и других — входят в широкий культурно-литературный контекст. Проза Довлатова, в свою очередь, становится источником цитат и интертекстуальных заимствований для многих авторов. Это лучшее подтверждение «живой жизни» произведений Довлатова в современном литературном процессе.

Как отголосок довлатовской поэтики в научных статьях Г.А. Доброзраковой используется прием автоцитирования — незначительных повторов, связывающих работы в единый гипертекст. Уникальность материала, собранного по крупицам в архивах и читальных залах библиотек, комплексный подход, сочетающий в себе широкий спектр методов: биографического, историко-литературного, историко-культурного, сравнительно-типологического, мифопоэтического, интертекстуального и стилистического, — бесспорно, являются преимуществами этого замечательного исследования.

Ксения Мечик-Бланк (Принстонский университет)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЭТИКИ ДОВЛАТОВА В ДОЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД

Ранние комические миниатюры С. Довлатова

Ранний период творчества С. Довлатова (до эмиграции писателя в 1978 г.), долгое время находившийся вне поля зрения литературоведов, является важным этапом формирования и становления его поэтических принципов и приемов. Мало кому известные, разбросанные по многочисленным журнальным и газетным изданиям советского времени, довлатовские юморески и фельетоны 1960–1970-х гг. представляют собой прекрасные образцы юмора и сатиры. Это было время ученичества; из воспоминаний друзей и близких Довлатова, из его эпистолярного наследия можно узнать о пристрастиях будущего писателя, об истоках его поэтики.

Интерес к жанрам эпиграммы, анекдота и фельетона, сближающимся между собой за счет пуантированности, наблюдался у Довлатова с юношеских лет. Так, его школьный друг Д. Дмитриев приводит текст эпиграммы, написанной Довлатовым на одного из «университетских поэтов»: «Твой стих хотели мы забыть, / Ты ж прозой нас уже тревожишь! / Поэтом можешь ты не быть, / Но быть писателем — не можешь!»¹

Большое влияние на выбор жизненного пути Довлатова оказал его отец — Донат Мечик, автор сборника литературных анекдотов «Закулисные курьезы», изданных в 1986 г. в США. Сестра Довлатова Ксения Мечик-Бланк вспоминает о ленинградском периоде жизни: «Когда приходил Сережа, за обедом, помимо разговоров, горьких, о Сережиных упорно не публиковавшихся рассказах, между папой и Сережей шел постоянный

---

¹ Григорьева Е. «Сереже было виднее...» // Биография. 2006. № 9. С. 117, 119.

обмен смешными историями. Т.е. этот жанр у них культивировался в разговоре, задолго до написания книжек, и папиных, и Сережиных»². Обнаружив у сына склонность к сочинению комических произведений, отец, безусловно, постоянно ее поддерживал, о чем свидетельствует переписка Мечика с Довлатовым. В марте 1963 г. Сергей пишет из армии отцу (вероятно, в ответ на его деликатный совет учиться мастерству фельетониста): «Прочел еще раз фельетоны Лиходеева, опять очень понравились. Спасибо»³. Как видно из отрывка письма, отправленного им Мечiku из Ленинграда в Игналину (курорт в Литве) 22 июля 1970 г.: «...Я буду работать в многотиражке. Фельетоны сочиняю, но пока ничего высокохудожественного не получается»⁴, — Довлатов серьезно задумывался над тем, чтобы совершенствоваться в фельетонистике.

Выступать в советской периодике в качестве автора комических миниатюр Довлатов начал с 1968 г.; в то время он работал в редакции многотиражной газеты «За кадры верфям» Ленинградского кораблестроительного института (ЛКИ). Как раз в сатирико-юмористическом журнале «Крокодил» № 1 за 1968 г. с целью ознакомления широкого круга читателей с лучшими образцами юмористической литературы и графики был объявлен очередной «ОТКРЫТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС на лучший юмористический рассказ и юмористический рисунок. <...> Девиз конкурса: “УЛЫБКА-68”»⁵.

Присланный Довлатовым на конкурс рассказ «Когда-то мы жили в горах» был опубликован в «Крокодиле» № 26 за 1968 г. Это первый вариант довлатовского рассказа, с юмором повествующего о традиционном кавказском обряде похищения невесты и о жизни современных армян, которые «когда-то ... жили в горах», а теперь «променяли ... горы на крутые склоны новостроек», обижают жен и разводят «костры на паркете»⁶. (Второй вариант этого произведения под тем же названием был

---

² Мечик-Бланк К. Письмо к Г. Доброзраковой от 06.01.2013 (из личного архива Г.А. Доброзраковой).

³ Довлатов С. Письма к отцу // Довлатов С. Жизнь и мнения. Избр. переписка. СПб., 2011. С. 97

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Крокодил. 1968. № 1. С. 14. Выделено редакцией журнала.

⁶ Довлатов С. Когда-то мы жили в горах // Крокодил. 1968. № 26. С. 11.

напечатан в сборнике «Демарш энтузиастов», изданном в эмиграции совместно с Вагричем Бахчаняном и Наумом Сагаловским, а позднее помещен в собрание сочинений Довлатова.) Несмотря на то, что по тематике рассказ напоминал вышедшую в советский прокат 1 апреля 1967 г. кинокомедию «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», читатели не приняли довлатовского юмора: разразился скандал. «Через несколько недель после выхода номера автор был срочно вызван в Москву в редакцию журнала. Ему предложили ознакомиться с мешком писем-откликов на его сочинения. Все отклики были возмущенными. Из Армении»⁷.

Довлатову пришлось оправдываться перед читателями. Обращаясь к «дорогим землякам» («Крокодил», 1968, № 33), он пишет объяснение: «Рассказ вызвал много откликов из Армении, но, к сожалению, весьма нелестных. Авторы писем обвиняют меня в незнании обычаев родного армянского народа, в искажении действительности. Так вот, прежде всего хочу подчеркнуть, что в своем рассказе я попытался с иронией изобразить армян, давно живущих вдалеке от Армении, например в Ленинграде, потерявших связи с армянскими традициями. И сохранивших, культивирующих лишь чисто декоративные, экзотические, а в конечном счете ложные представления об обычаях своего народа. Нетрудно догадаться, что многое из того, о чем говорится в рассказе, имеет непосредственное отношение и к его незадачливому автору»⁸.

Редакция взяла часть вины на себя: «Поступившие критические отклики читателей свидетельствуют о том, что работники редакции, готовившие упомянутый рассказ к печати, отнеслись к оценке произведения поверхностно. Они не помогли молодому автору устранить из рассказа ряд мест, легкомысленно и неверно трактующих народные обычаи и традиции. А это и вызвало справедливую читательскую критику. Настоящей публикацией редакция исправляет допущенную ошибку»⁹.

---

⁷ Шуваева-Петросян Е. Сергей Довлатов: «Я попытался с иронией изобразить армян». URL: <http://www.shuv-petrosyan.livejournal.com/64079.html?thread=215631> (дата обращения 29.11.2014).

⁸ Крокодил. 1968. № 33. С. 15.

⁹ Там же. Отметим, что в конкурсе «УЛЫБКА-68» приняли участие 3077 авторов — советских и зарубежных. В течение 1968 г. было опубликовано 36 юмори-

Несмотря на недоразумение, начинающему автору удалось опубликовать в «Крокодиле» еще четыре комические миниатюры: «Победители» (1969, № 2), «У реки» (1971, № 19), «Спасите наши уши!» (1971, № 25) и «Счастливчик» (1972, № 2).

В 1960–1970-е гг. Довлатову довелось быть автором, а иногда и инициатором создания сатирико-юмористических отделов в разных периодических изданиях.

В декабре 1968 г. в газете ЛКИ «За кадры верфям» появилась сатирико-юмористическая страница «На полубаке», которую исполнявший обязанности главного редактора Довлатов придумал вместе с доцентом кафедры судовой автоматики Борисом Тараторкиным¹⁰.

В июне 1970 г. в журнале «Аврора» появился «СЛОН» — юмористический журнал в журнале. Название ему, продолжив такой ряд, как «Крокодил», «Бегемот» и «Носорог», дал первый художественный редактор «Авроры» Георгий Васильевич Ковенчук. «СЛОН» расшифровывался двояко: «Сатирико-Лирическое Обозрение Нравов» и «Смех — Лекарство От Недугов». Аббревиатура «СЛОН» имела и другие значения, о которых, как вспоминает Ковенчук, он узнал позднее: «Соловецкий лагерь особого назначения» и «Смерть легавым от ножа»¹¹.

Довлатов печатался в «СЛОНе» четыре раза. Его миниатюра «А вы читали Кафку?» появилась уже во втором выпуске «СЛОНа» — в июле 1970 г. Потом, после большого перерыва, связанного с работой в Таллине¹², были опубликованы юморески «Дозвонился» (1975, № 10) и «С Ивановым шутки плохи» (1976, № 4), а комическую миниатюру «Клад» (1977, № 2) автор подписал псевдонимом «Далматов».

Очень мало известно о деятельности Довлатова в многотиражной газете Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) «Знамя прогресса». Однако подборка материалов

стических рассказов. Победителями, получившими денежные премии, памятные медали и дипломы, стали Виктор Драгунский, Леонид Ленч и Азида Несина (Турция). См.: Крокодил. 1968. № 36. С. 15.

¹⁰ См.: Лит. газета. 2009. 10 июня. С. 16.

¹¹ Аврора. 2014. № 4. С. 26. URL: http://www.holsto-mer.ru/upload/file/Aurora/aurora_4_2014.pdf. (дата обращения 29.11.2014).

¹² Написание города здесь приводится в соответствии с орфографией советского периода.

в петербургском журнале «Город» (2005, № 36) свидетельствует о том, что и в этой многотиражке Довлатов нередко публиковал фельетоны и юморески, в частности, там был напечатан юмористический рассказ «Как я бросил пить». Ирина Чуди, которая в 1972 г. была ответственным секретарем газеты «Знамя прогресса», поместила в сетевом журнале «Город-812» довлатовские юморески на антиалкогольные темы — «Эффект экономии, или Рассказ о том, как мой дружок пальтишко “обмывал”», «Баллада о разбитом сердце» и «Эмигранты»¹³. Каждая из перечисленных миниатюр имеет второй вариант, опубликованный в одной из эстонских газет, с которыми сотрудничал Довлатов, кроме юмористического рассказа «Эмигранты», попавшего в сборник «Демарш энтузиастов».

С сентября 1972 г. до 8 марта 1975 г. Довлатов жил в Таллине и занимался журналистской работой в газетах «Советская Эстония», «Вечерний Таллин», «Моряк Эстонии», «Молодежь Эстонии». В газете «Советская Эстония» Довлатов сотрудничал с сентября 1972 г. по февраль 1975 г., печатался в рубриках «Юмореска» и «С улыбкой» под своей настоящей фамилией, а также под разными псевдонимами.

Внештатным сотрудником только что появившейся газеты «Вечерний Таллин» Довлатов становится осенью 1972 г. В августе на ее третьей странице разместились сатирико-юмористическая рубрика «Пчелка», которая должна была «жалить» «разгильдяев и очковитрателей, бюрократов и дебоширов, хулиганов и пьяниц...»¹⁴. В рубрике «Пчелка» Довлатов только дважды публиковался под собственной фамилией и множество раз — под псевдонимами.

В январе 1973 г. в многотиражной газете Эстонского морского пароходства «Моряк Эстонии», где Довлатов был ответственным секретарем, появились материалы под рубрикой «Нептун улыбается, шутит, сердится». Но больше рубрика не выходила: Довлатов проработал в газете недолго, успев, наряду с рецензиями, репортажами и корреспонденциями, напечатать в рубрике «Пьянству — бой!» юмореску «Заведу себе бар...» под псевдони-

---

¹³ Сергей Довлатов. Из неизвестного. URL: <http://www.online812.giz2008/12/08/011/> (дата обращения 07.11.2014).

¹⁴ Вечерний Таллин. 1972. 5 авг. С. 3.

мом «Д. Сергеев» (известно, что псевдоним «Сергеев» Довлатов нередко использовал, работая в газете «За кадры верфям»).

В газете «Молодежь Эстонии» за 10 октября 1974 г. вышел первый выпуск сатирико-юмористического обозрения, названного «СОМ» («Сатирическое обозрение “Молодежки”») — по аналогии с названием «СЛОН» в «Авроре». Подборка, подготовленная, как было заявлено в газете, «внештатным отделом сатиры и юмора», была похожа на содержание «СЛОНа», в котором, как правило, печатали юмористические рассказы, стихи, рисунки, афоризмы и так называемые «Переводные картинки»: юморески зарубежных авторов и анекдоты. О причастности Довлатова к выпуску «СОМа» говорят два факта. Во-первых, в указанном номере «Молодежки» была опубликована юмореска «Наглядный урок» Александра Матюшкина-Герке, которого Довлатов знал еще с конца 1950-х гг., — они вместе посещали занятия в литературном объединении при газете «Ленинские искры»¹⁵. Кроме того, оба автора печатались в сатирико-юмористическом отделе «Авроры». И, вероятнее всего, именно Довлатов привлек Матюшкина-Герке, который в то время учился в Ленинградской Высшей партийной школе¹⁶, к сотрудничеству с эстонской газетой. Во-вторых, в рубрике «Сомовыражения» (мысли и изречения читателей и обозревателей СОМа) первого выпуска сатирико-юмористического обозрения опубликован афоризм, который любил повторять кумир Довлатова — Иосиф Бродский: «Самое вредное — это жизнь: от нее умирают». Позднее в довлатовских «Записных книжках» приведенная фраза трансформировалась в такую миниатюру:

«Иосиф Бродский любил повторять:

— Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается?»¹⁷

Комических мини-произведений, подписанных фамилиями «Довлатов», «Далматов», «Адер» (по свидетельству редактора

---

¹⁵ Елинер Г., Макаров С. Свет воспоминаний // Невский альманах. 2006. № 5. URL: http://www.nev-almanah.spb.ru/2004/5_2006/svet.shtml (дата обращения 01.11.2014).

¹⁶ Александр Матюшкин-Герке [1944–2012]. URL: http://www.rmssp.pro/files/dead/matyushkin_gerke.html. (дата обращения 01.11.2014).

¹⁷ Довлатов С. Записные книжки // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2004. Т. 4. С. 224.

журнала «Звезда» Андрея Юрьевича Арьева, это был один из псевдонимов Довлатова-журналиста), «Кивистик» (под этим псевдонимом в газете «Советская Эстония» 11 февраля 1973 г. была напечатана юмореска «Как я бросил пить» — тот же самый текст был опубликован Довлатовым в многотиражной газете «Знамя прогресса» 6 мая 1972 г. под своей фамилией), «Сергеев» (наличие данного псевдонима подтверждает бывший сотрудник газеты «За кадры верфям» В.В. Степанов¹⁸), т.е. совершенно точно принадлежащих перу Довлатова, насчитывается около тридцати. Эти сатирико-юмористические миниатюры можно разделить на три тематические группы.

1. Изображение человеческих пороков, нарушений этических норм:

критика жизненной пассивности («Победители»),

изображение неэтичных взаимоотношений в семье (На равных»),

осуждение пагубной привычки к пьянству («Как я бросил пить», «Сила убеждения», «Заведу себе бар...», «Экономический эффект, или рассказ о том, как Никеша Квакин пальтишко покупал», «Баллада о синем троллейбусе»),

осуждение неэтичного поведения в обществе («Вперед, к динозаврам!»),

критика взяточничества («Обыкновенное чудо»), вымогательства денег («Бессмертный дядя Вася?»),

осуждение наглости, нахальства («Хитрый Булкин»),

изображение хвастовства («"Герой"»).

2. Изображение абсурдных жизненных ситуаций:

«Когда-то мы жили в горах»,

«А вы читали Кафку?»,

«У реки»,

«Счастливчик»,

«С Ивановым шутки плохи» (два варианта),

«Осторожно — Фантомас»,

«Победа над Геннадием Шатковым»,

«"Всё на свете неспроста"»,

«Новая жизнь»,

«Чудесная находка»,

---

¹⁸ Челнокова Н. Каким он был на самом деле ... // Аврора. 2007. № 4. С. 44–46.

«Свое слово в искусстве»,
«Трое вышли из леса»,
«Зигзаг удачи».

3. Критика деятельности работников сферы обслуживания:
комические миниатюры о неудовлетворительной работе парикмахера («Спасите наши уши!», «Ничего страшного!»),

комические миниатюры о неисправности уличных телефонов-автоматов и плохой работе сотрудников АТС («Испорченный телефон», «Иванов не виноват!», «Дозвонился»).

Формы довлатовских юморесок и фельетонов разнообразны:
диалог (встречается чаще остальных) («А вы читали Кафку?», «Спасите наши уши!», «Сила убеждения», «Обыкновенное чудо», «Ничего страшного!», «Хитрый Булкин», «"Герой"»),

телефонный диалог («С Ивановым шутки плохи», «Иванов не виноват!»),

интервью («Зигзаг удачи»),

монолог («Счастливчик», «Заведу себе бар...», «Новая жизнь», «Чудесная находка», «Свое слово в искусстве», «Трое вышли из леса»),

рассказ-быль («Как я бросил пить», «Победа над Геннадием Шатовым», «Вперед, к динозаврам!», «Экономический эффект, или рассказ о том, как Никеша Квакин пальтишко покупал»),

письмо в редакцию («"Всё на свете неспроста"»),

фантастическая история («Осторожно — Фантомас»),

баллада в стихах («Баллада о синем троллейбусе»).

В большинстве случаев повествование в комических миниатюрах Довлатова ведется от первого лица. В качестве яркого примера приведем отрывок из напечатанного 8 июля 1973 г. в «Советской Эстонии» (в рубрике «Реплика!») фельетона «Вперед, к динозаврам!», рассказывающего о шокирующем автора поведении мужчины, который появился на берегу моря, «в чем мать родила».

«Преодолевая шок, я обратился к нему с вопросом:

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Нет, — сказал он.

— Вас раздели грабители?

— Нет, — сказал он.

— Вы жертва кораблекрушения?

— Нет, — сказал он.

— Извините за беспокойство, утопиться решили?
— Нет, — сказал он.
— Но тогда почему вы в таком виде?
— Я нудист, — ответил мужчина, — я сбросил оковы цивилизации. Я желаю слиться с природой. Мой идеал — неандерталец, естественный и первозданный...

— Но ведь тут дети, — робко заметил я, и вообще, не могли бы вы слиться с природой в более укромном месте? Например, у себя дома?

— Нет, — сказал он, — я идейный нудист. А всякая идея требует последователей и адептов. Я — воплощение идеи. У меня есть последователи.

Тут мужчина с интересом взглянул на меня.

— А вы не хотите слиться с природой? — воскликнул он. — Прочь запреты, оковы и тиски! Вместе — вперед, к динозаврам!»¹⁹

Важнейшей чертой поэтики довлатовских комических миниатюр выступает эстетический эффект непредсказуемости. Автор использует закон пуанта, который сближает юмореску с эпиграммой и анекдотом: концовка довлатовского миниатюрного произведения всегда содержит непредсказуемый поворот сюжета.

Ориентированность на анекдот проявляется уже в одной из самых ранних юморесок — «А вы читали Кафку?». Герой-повествователь, уязвленный тем, что его приятели и коллеги читали Кафку, а он не читал, слышит от соседа-дошкольника Вовы (это имя появляется у Довлатова не случайно: мальчик по имени Вовочка — популярнейший персонаж современного городского анекдота):

«— А мы с бабуленькой Кафку читали...

Я закричал и рванулсЯ прочь. Но Вова крепко держал меня за ногу.

— Тебе понравилось? — спросил я.

— Более или менее, — ответил Вова.

— Ты что-то путаешь, старик.

Тогда Вова принес большую рваную книгу и прочел:

— Руфкие народные кафки»²⁰.

---

¹⁹ Довлатов С. Вперед, к динозаврам! // Сов. Эстония. 1973. 8 июля. С. 4.

²⁰ Довлатов С. А вы читали Кафку? // Аврора. 1970. № 7. С. 78.

Именно благодаря неожиданному заключительному предложению проявляется неоднозначность названия миниатюры «Свое слово в искусстве».

«Я брел по делам мимо театра, заглядывая в окна первого этажа. В одном из помещений шла репетиция. Ее проводил главный. Я приник к стеклу.

В этот момент произошло следующее. Один из артистов появился на репетиции в нетрезвом виде.

Режиссер вышел из себя. Он был в бешенстве. Он затопал ногами. Он воскликнул, обращаясь к пьянчужке:

— Как вам не стыдно! Вы осквернили храм! Вы имеете такое же отношение к искусству, как вон тот гражданин!

И выдающийся режиссер указал на меня»²¹.

По краткости и психологической непредсказуемости напоминает анекдот юмореска «"Герой"»:

«— Когда я был молодым, — рассказывал он своей жене, — на меня однажды напали грабители. Их было двенадцать человек. Целая банда. Но я был силен и ловок. Через минуту шестеро лежали без сознания, троих я доставил в милицию, остальные скрылись.

— Послушай, — удивилась жена, — впервые ты рассказал мне эту историю лет десять назад. Но грабителей тогда было двое.

— Десять лет назад, — ответил муж, — ты была слишком юной, чтобы знать всю правду»²².

Непредсказуемой является последняя фраза юморески «Новая жизнь», рассказывающей о том, как поводом для приобщения героя к новой жизни стала выданная месткомом путевка в дом отдыха.

«Прибыл я на место — сосны, море, пляж, озон и никаких забот.

Сигареты я еще в поезде выбросил, об алкоголе и думать забыл. Девушки проходят в мини-юбках — отворачиваюсь. Утром — зарядка, пляж, калорийное питание. Днем — настольный теннис, прогулки, содержательные беседы. Вечером — шахматы, книги,

---

²¹ Адер С. Свое слово в искусстве // Сов. Эстония. 1973. 25 авг. С. 4.

²² Адер С. «Герой» // Сов. Эстония. 1975. 9 февр. С. 3

Толстого и Достоевского перечитываю, языками увлекся: шведским, голландским, мордовским.

Почувствовал я себя другим человеком. Возмужал морально и физически. Окреп душой и телом. Веду себя идеально. К новой жизни приобщился твердо.

Заканчивается срок моего пребывания. А если, думаю, жена не поверит? Возьму-ка я справку, чтобы доказательства были налицо. Справку мне охотно выдали. Цитирую:

“Такой-то за время пребывания в доме отдыха показал себя с наилучшей стороны. Политически грамотен, морально устойчив. Активный общественник, спортсмен, пропагандист. Скромен, пользуется авторитетом...”

А дальше печать и подпись для солидности:

Директор однодневной базы отдыха такой-то»²³.

В юмореске «Чудесная находка» повествуется (от первого лица) о том, как слесарь потерял штангенциркуль. Искал в Красном уголке, в профкоме, в штабе ДНД, в столовой, в отделе кадров, в кассе взаимопомощи. «Клумбу в заводском сквере разрыл...», «думал уже всесоюзный розыск объявить»²⁴ — нашел через неделю на своем верстаке. Сатирический смысл описываемых событий проявляется в подтексте: целую неделю слесарь не работал; один день недели провел в Красном уголке, другой — в профкоме, третий — в штабе добровольной народной дружины, четвертый — в столовой, пятый — в отделе кадров, шестой — в кассе взаимопомощи.

Разговор о том, как собирать грибы, в сентябрьском номере газеты «Советская Эстония» предварялся довлатовской юмореской «Трое вышли из леса». В субботний день сослуживцы пошли в лес. Один отыскал «на берегу лесного ручья следы древнего кельтского поселения», другой обнаружил в чаще «матерого рецидивиста, который скрывался от возмездия», а рассказчик — «нашел подосиновик!!!»²⁵.

Чаще всего непредсказуемая развязка довлатовских шуточных миниатюр является комической и вызывает смех; иногда к смеху, вызываемому неожиданным завершением юморески,

---

²³ Адер С. Новая жизнь // Сов. Эстония. 1973. 12 авг. С. 4.

²⁴ Адер С. Чудесная находка // Сов. Эстония. 1973. 18 авг. С. 4.

²⁵ Адер С. Трое вышли из леса // Сов. Эстония. 1973. 1 сент. С. 4.

примешивается чувство недоумения, удивления от абсурдности описываемых явлений или странных, несообразных реакций на них (и тогда комическая ситуация, основанная на закономерностях советской жизни, предстает в трагическом освещении).

Так, в юмореске, написанной в форме письма в редакцию от гражданки Квакиной («"Всё на свете неспроста"»), осмеянию подвергается длительный процесс получения изолированной квартиры в советское время: «В коммунальной квартире я много лет прожила, всё отдельную просила. То не давали, не давали, и вдруг — здарсьте, пожалуйста: вот вам ключи, переезжайте. Э, думаю, неспроста всё это, какой-то подвох искать надо. И так прикинула, и этак, никак до тайного смысла не доберусь. И все-таки вернула ключи. Всё, говорю. Не поеду. Так и жила в коммуналке, пока дом не сломали. Ведь на свете, граждане, всё неспроста»²⁶.

Юморески и фельетоны Довлатова лишены традиционных заключений с призывом к соответствующим организациям «разобраться» или «навести порядок». (Единственное исключение — фельетон «Вперед, к динозаврам!», содержащий такую концовку: «Кто-то тихо произнес: "Куда смотрит милиция, общественность?" Мне бы хотелось повторить этот вопрос настойчиво и внятно»²⁷.) Дидактики нет, читатель должен был сделать выводы сам.

Юморески, посвященные абсурдности житейских коллизий, составляют большую группу довлатовских миниатюр. Изображая жизненный абсурд, автор нередко прибегал к гротеску. Например, в юмористическом рассказе «Победители» гротеск проявляется в изображении того, как судья заснул во время соревнования: «Главный судья Лев Епифанов крепко спал, положив голову на кипу судейских протоколов. Прошло двадцать минут. Никто не решался побеспокоить главного судью. Секунданты и боковые судьи пошли в буфет пить пиво. Зрители занялись своими делами, штопали носки, пели вполголоса туристские песни...»²⁸. Определение победителя с помощью гадания «орел

---

²⁶ Адер С. «Всё на свете неспроста» // Сов. Эстония. 1973. 5 авг. С. 4.

²⁷ Довлатов С. Вперед, к динозаврам! // Сов. Эстония. 1973. 8 июля. С. 4.

²⁸ Довлатов С. Победители // Крокодил. 1969. № 2. С. 10.

или решка» приобретает метафорический смысл и заставляет читателя задуматься над вопросом: «А судьи кто?»

Абсурдной предстает ситуация и в юмореске «У реки», герой которой Федя Чирсков после расставания с Зиной отправился к реке топиться. Оставив брюки, джемпер, носки и берет на берегу, Федя погрузился в воду и тут увидел, что незнакомец ворует его одежду. Федя кинулся за ним. В результате в газете появилась заметка о подвиге Чирскова, задержавшего «матерого жулика и рецидивиста»²⁹, а Зина после этого стала оказывать Федору внимание.

Другая юмореска — «Клад» — рассказывает о том, как, забивая гвоздь и обнаружив пустоту в стене, герой «раздолбал» всю стенку, думая, что там спрятал клад живший когда-то в доме граф. И тут пришла комиссия из ЖЭКа проверять состояние квартиры. «Дырку увидели — и сразу ко мне. — Нашли? — спрашивают»³⁰.

И соседи, и сослуживцы были уверены, что герой нашел клад. «Недели две я крепился, а потом занял я денег, сколько смог, побежал в комиссионный магазин и закупил там всякой всячины. Сложил в бельевую корзину, а сверху кольцо обручальное бросил. Бабкино. Как память хранил. Черт с ним. Пойду сдавать!»³¹

Уже в ранних комических произведениях начинает проявляться характернейшая для поэтики Довлатова черта — повторяемость элементов на разных уровнях организации текста (деталь, персонаж, мотив, сюжет), обозначенная А.А. Воронцовой-Маралиной термином «смысловая рифма» (явление автоцитирования, когда автор, как в поэзии, обращается к однажды найденным определениям и образам), выступающая типологическим признаком циклических структур³². Классифицируя «смысловые рифмы», которые встречаются в зрелой прозе писателя, А.А. Воронцова-Маралина выделяет: 1) повторяющиеся почти дословно (с минимальными искажениями) микросюжеты и ситуации, соотносящиеся с конкретным персонажем; 2) повторяющиеся

---

²⁹ Довлатов С. У реки // Крокодил. 1971. № 19. С. 9.

³⁰ Далматов С. Клад // Аврора. 1977. № 2. С. 78.

³¹ Там же.

³² Воронцова-Маралина А.А. Поэтика цикла Сергея Довлатова // «...Лучших строк поводирь, проводник просвещения, лучший читатель!» Книга памяти А.М. Зверева. М., 2006. С. 332–333.

микросюжеты и ситуации с варьирующимися персонажами;
3) микросюжеты и ситуации с повторяющимся конфликтом³³.

Подобные «смысловые рифмы» находим и в фельетонистике Довлатова. Так, юмореска «С Ивановым шутки плохи», опубликованная в «Авроре» (1976, № 4), почти дословно повторяет юмореску под тем же названием, вышедшую 1 апреля 1973 г. в газете «Советская Эстония». (Изменяется лишь одна деталь: в первой редакции упоминается шпиль церкви Олевисте, во второй — шпиль Адмиралтейства.) Иванов становится, кроме того, героем юморески «Иванов не виноват», напечатанной 16 мая 1973 г. в газете «Вечерний Таллин».

**«С Ивановым шутки
плохи**

Захотелось мне Иванова разыграть. Первое апреля как-никак. Традиция.

Звоню ему по телефону. Голос меняю до неузнаваемости.

— Иванов?

— Иванов.

— У тебя вся спина белая.

— Да знаю, — отвечает Иванов, — это я вчера около ресторана “Глория” шлепнулся. Там как раз ремонт. А кто говорит?

Я трубку повесил.

Думал, думал, как бы мне Иванова разыграть. Снова ему звоню.

— Иванов?

— Иванов.

— А твою жену видели с Потаповым в кино.

— Не с Потаповым, а с Плюхиным, — отвечает Иванов, и не в кино, а в филармонии. Это я его за три рубля нанял. У меня от симфонической музыки голова начинает болеть. А кто говорит?

«Иванов не виноват!

Зазвонил телефон. Иванов поднял трубку.

— Это ты, негодяй? — спросил женский голос.

— Я, — сказал Иванов уныло.

— Ты прячешься от меня! Ты не отвечаешь на звонки! Ты бросил женщину с ребенком! Ты лжец и клятвопреступник!

— Я не прячусь, дорогая, — забормотал Иванов и от сильной досады шевельнул пальцами ног, обутых в желтые импортные полуботинки, — у меня много работы. Я занят...

— Знаю я, чем ты занят, прохвост! Тебя видели с этой крашеной дылдой из варьете!

---

³³ Воронцова-Маралина А.А. Поэтика цикла Сергея Довлатова. С. 333–337.

Я трубку повесил.

Думал, думал, как бы мне все-таки Иванова разыграть. Снова ему звоню.

— Иванов?

— Иванов.

— А тебя с работы увольняют.

— Уже уволили, — вздыхает Иванов, — только я их опередил, заявление подал по собственному желанию. А кто говорит?

Я трубку повесил.

Думал, думал, как же мне наконец Иванова разыграть. Снова ему звоню.

— Иванов?

— Иванов.

— Слышал новость? Какой-то чудак у церкви Олевисте шпиль отломал.

— Так это вроде бы я отломал, — виновато заявляет, — лишнего выпил вчера, что-то такое смутно напоминает, как в тумане. А кто говорит?

Я трубку повесил.

Думал, думал. Надо мне все-таки Иванова разыграть. Снова ему звоню.

— Иванов?

— Иванов.

— У тебя должны телефон отключить на двое суток.

— Ну да? — испугался Иванов, — вот неприятность! Как же я без телефона? Спасибо, друг, что предупредил. А кто говорит?

— Ха-ха-ха, — смеюсь, — Дысин говорит, это я пошутил, разыграл тебя наконец-то. С первым апрелем!

— Ха-ха-ха, — смеется Иванов, — как же это я так глупо попался? Ловко ты меня разыграл, ловко!

— Но пойми, это было чисто деловое свидание...

— Знаю, что у тебя за дела! А я-то верила этому жулику!

— Ну, не сердись, моя рыбка, надо все мирно обсудить...

— Не смей называть меня рыбкой! Не смей называть меня мышкой и киской! Называй меня пантерой! Я подаю на тебя в суд! Я обращаюсь к твоему директору, я пойду в местком!

— Зачем так спешить? — испугался Иванов.

— Я долго терпела, хватит! — выкрикнул женский голос, — Миньке не нужен такой отец!..

— Какому Миньке? — помедлив, спросил Иванов.

— Ты забыл имя родного сына, варвар!

— Но моего сына зовут Ленька, — возразил Иванов, — Ленька его зовут!

— Это 166-626?

— Нет, это 661-929!

— Извините, пожалуйста, — произнес женский голос.

— Да ничего, бывает, — сказал Иванов и вытер пот со лба.

Зазвонил телефон...»

(«Вечерний Таллин». 1973.

16 мая. С. 3.)

Тут к нам вдруг присоединяется посторонний строгий голос. И я слышу:

— Иванов?

— Иванов.

— 661–929?

— Точно.

— Говорит АТС. Вы почему за телефон не платите? Отключаем ваш номер на двое суток.

Щелчок. Тишина. Нас разъединили...»

(«Советская Эстония». 1973.

1 апреля. С. 4.)

О том, что обе юморески представляют собой своеобразный «цикл», повествующий о незадачливом Иванове, говорит такая деталь, как повторяющийся в обеих миниатюрах номер домашнего телефона персонажа: 661–929. (Герман Ашкинази в своих воспоминаниях повествует о любопытном факте: указанный номер телефона принадлежал эстонскому коллеге Довлатова — Михаилу Рогинскому. Сразу же после выхода первоапрельской газеты Рогинскому беспрестанно стали звонить незнакомые люди с выражением сочувствия и предложениями помощи³⁴. Таким образом, рассказ знаменателен тем, что в нем звучит характерный для довлатовского творчества мотив игры — с помощью публикации Довлатов разыграл своего друга.)

В довлатовских юморесках «Спасите наши уши» и «Ничего страшного!» (последняя напечатана под псевдонимом «С. Адер») наблюдаем повторение микросюжета (посещение парикмахерской) с использованием автоцитирования и варьирования персонажей. Ситуации здесь разные — разрешаются они с помощью неожиданных, не похожих друг на друга концовок. В первом случае автор высмеивает скрывающийся за показной вежливостью непрофессионализм парикмахера, во втором — неоправданную дороговизну парикмахерских услуг.

---

³⁴ Ашкинази Г. Шутка Довлатова. URL: <http://www.erik-as.livejournal.com/3932.html> (дата обращения 27.06.2016).

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	5

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЭТИКИ ДОВЛАТОВА В ДОЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД

Ранние комические миниатюры С. Довлатова	8
Малоизвестные публикации Сергея Довлатова в советской периодике	37
Поэтические опыты С.Д. Довлатова	51
От прозы — к драме (авторская переделка рассказа С. Довлатова «Человек, которого не было»)	76
Две ипостаси Сергея Довлатова: особенности доэмигрантского периода творчества	85

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЗЕ ДОВЛАТОВА

Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы (обзор исследований)	91
Локус Михайловского-Тригорского в романтических стихах А.С. Пушкина и Н.М. Языкова и в повести С. Довлатова «Заповедник»	111
Интертекстуальные связи повести С.Д. Довлатова «Заповедник» с произведениями А.С. Пушкина	121
Пушкин и Довлатов: два кода Михайловского текста	131
Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова	139
Гоголь и Довлатов: поэтика абсурда	152
Гоголевские традиции в повести С. Довлатова «Заповедник»	159
Гоголевские мотивы в повести С. Довлатова «Компромисс»	167
Тургенев в прозе Сергея Довлатова	171

Достоевский в художественном сознании С. Довлатова	179
Рецепция Достоевского в повести С.Д. Довлатова «Зона»	188
Чехов в прозе Довлатова	201
Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Заповедник» с произведениями поэтов Серебряного века	207
«Говорящие» фамилии персонажей Сергея Довлатова	218

ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ФИЛОСОФОВ НА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДОВЛАТОВА

К вопросу о влиянии американской традиции на творчество С. Довлатова	228
Черты шопенгауэризма в творчестве С. Довлатова	242

ДИАЛОГ ДОВЛАТОВА С ПИСАТЕЛЯМИ-СОВРЕМЕННОКАМИ

С. Довлатов и представители “ленинградской школы”: традиции и параллели	249
Сергей Довлатов и Иосиф Бродский: дружеские и творческие связи	255
Представители петербургско-ленинградской литературной школы: Сергей Довлатов и Валерий Попов . . .	267
Америка в произведениях В. Аксенова и С. Довлатова	278
Летопись «третьей волны»: переключки произведений С. Довлатова, А. Гладилина, В. Аксенова	289

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ДОВЛАТОВА

Художественная мифологизация литературного и повседневного быта советской эпохи в «Записных книжках» С. Довлатова	298
«Записные книжки» С. Довлатова и «Закулисные курьезы» Д. Мечика: традиции жанра литературного анекдота	307
«Записные книжки» С. Довлатова: из истории создания литературных анекдотов	321
Факт и вымысел в прозе С.Д. Довлатова	334
Виды смеха в творчестве С.Д. Довлатова	344

МИФЫ ДОВЛАТОВА И МИФЫ О ДОВЛАТОВЕ

Миф о Довлатове в русской литературе	353
Кинодокументалистика о С. Довлатове как форма манифестации довлатовского мифа	369
Мемуаристика о С. Довлатове: интертекстуальность заглавий	375

«ДОВЛАТОВ ПЛЮС»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЯ НА СЦЕНЕ И НА ЭКРАНЕ

Театральность прозы Сергея Довлатова	385
Проза Довлатова на экране	391